СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

Александр Городницкий, Ирина Юн

DOI: 10.37492/ETNO.2021.66.4.006

«Кровь не имеет никакого отношения к национальной культуре; национальная культура – это язык, поэзия, литература, философия, живопись, музыка»

Представляем интервью с Александром Моисеевичем Городницким (род. в 1933-м, Ленинград), поэтом, бардом, одним из основоположников жанра авторской песни в России, лауреатом Государственной литературной премии им. Булата Окуджавы, ученым-геофизиком, доктором геолого-минералогических наук, главным научным сотрудником Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН. Темами интервью стали идентичность и национальная идея, русский язык и антисемитизм, экспедиции и спасение из блокадного города, нравственный выбор и имперскость, общность культур и поэзия, история и память, демократия и неравенство, национализм и нацизм.

Городницкий

Александр Моисеевич,

геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик РАН, поэт, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член Союза писателей России, член международного ПЕН-клуба (Москва)

Юн Ирина Михайловна,

старший специалист, Фонд «Бюро экономического анализа», реализация проектов Всемирного банка, <https://www.beafnd.org/>

Ключевые слова: Александр Городницкий, национальная идея, идентичность, этничность, культура, память.

Ирина Юн: В последние годы много говорят о формировании гражданской нации в России, национальной политике и самоидентификации граждан Российской Федерации. В этом контексте – и в политическом, и в научном дискурсе – вновь дебатруется национальная идея, которая могла бы объединить россиян. На ваш взгляд, что это за идея, как ее можно сформулировать?

Александр Городницкий: Несколько лет назад я написал стихотворение «Национальная идея России»:

Опять погода холодеет.
Кричит в тумане воронье.
Национальная идея,
Кто сформулирует ее?
Я изучал бумаги в деле
Цивилизаций вековых,
Но никогда такой идеи
Не обнаруживал у них.
У нас лишь, как это ни странно,
Твердят повсюду про нее.
О ней кричит с телеэкрана
Громкоголосое жулье.
Желая власти или денег,
Такое скажут, что держись.
А у народа нет идеи, –
Есть у народа только жизнь.
Она вперед себе стремится,
Невозмутима, как река.
В ней отражаются то птицы,
То кучевые облака.
Она течением рутинным
Плывет меж пашен и лугов,
Ломает жесткие плотины
И грязь смывает с берегов.
Она несет дорогой длинной
Суда на собственном горбу.
Ее попробуй, как Неглинку,
Загнать в железную трубу.
На Западе или Востоке,
Где протекать бы ни пришлось,
Она вбирает все истоки,
А не разбрасывает врозь.
Лишь о себе самой радея,
Она проходит в стороне,
И тонут мертвые идеи
В ее спокойной глубине.

Что значит национальная идея России? Она, что, отлична от национальных идей других народов? Противостоит им? Что значит национальная идея вообще? Зачем она нужна? У немцев до прихода Гитлера к власти не было никакой национальной идеи. Даже Бисмарк ее не формулировал.

И.Ю.: Сегодня серьезные ученые подвергают сомнению объективность существования этносов как таковых.

А.Г.: А Льва Николаевича Гумилева вы читали? Я с большим уважением отношусь к этому ученому. В Астане есть университет, названный его именем. Толерантный Назарбаев, когда ему подарили мечеть, рядом поставил православную церковь. Лев Николаевич был замечательным человеком, но и в его теории этноса тоже есть немало концептов, вызывающих сомнение... А вы сами москвичка?

И.Ю.: Нет, я приехала из Ташкента.

А.Г.: Вы из тех корейцев, которых в свое время загнали в Среднюю Азию по приказу товарища Сталина?

И.Ю.: Да. И мой переезд в 2004 году в Россию тоже обусловлен «национальным фактором». В ваших стихах я нахожу очень много созвучного моим переживаниям.

А.Г.: Я же еврей и хлебнул на всю катушку государственного антисемитизма – меня более 20 лет не печатали. Сейчас у нас его как будто нет. За что угодно можно критиковать Путина, но он не антисемит. Он этого не скрывает, и я за это с большим уважением к нему отношусь.

И.Ю.: Можно ли сравнивать судьбы народов, испытывавших гонения и унижения? Ведь у всех было по-разному.

А.Г.: Да, все народы страдали по-разному. Один из лучших польских писателей Юлиан Тувим очень точно заметил: «Нас объединяет не кровь, текущая в жилах, а кровь, которая текла из жил».

И.Ю.: Вас как-то спросили, кем вы себя ощущаете – русским или евреем? Вы ответили рассказом о том, как отказа-

лись принимать участие в сборнике стихов под названием «Русскоязычные поэты России».

А.Г.: Я отказался, поскольку считаю это проявлением нацизма. Ибо главное не кровь, главное – язык и культура. Генрих Гейне – немецкий поэт или еврейский? Мой друг Александр Кушнер – русский или еврейский поэт? Скажем, у Мандельштама – великого русского поэта, или у Пастернака есть некие интонационные нотки, которые как-то выделяют их среди других русских поэтов, но это ни о чем не говорит. С таким же успехом можно считать Василия Андреевича Жуковского турецким поэтом (у него мать турчанка). А Пушкину даже стоит памятник в Африке, в Эфиопии. Они считают его своим поэтом. Как-то я выступал в Московском еврейском общинном центре. Зал был битком набит, 500 человек. Возникла дискуссия. Среди прочего обсуждалось мое стихотворение «Родство по слову», где я пишу о том, что мой родной язык – русский.

Я не знаю ни иврита, ни идиша, о чем искренне сожалею. Кроме того, у меня вышел фильм «В поисках идиша». В последние годы я стал декларировать свое еврейство в стихах и песнях именно потому, что многие мои коллеги еврейского происхождения (которые тем не менее являются русскими поэтами!) стараются не касаться этого вопроса. На вечере, посвященном моему 80-летию, выступал президент Русского еврейского конгресса, который сказал: «Мы уважаем Городницкого за то, что он не стыдился своего еврейства тогда, когда это считалось позором в России, и не гордится этим теперь, когда это стало почетным». Еврейский вопрос – это пробный камень фашизма. И не только еврейский – и корейский, и кавказский. Правда, «лица кавказской национальности» несколько заслонили нас с вами.

И.Ю.: У вас есть стихотворение «Родство по слову»: «Родство по слову порождает слово / Родство по крови порождает

кровь». Блестящий афоризм! Так все-таки, говоря о крови, что вы имеете в виду? Имеется в виду «ген этничности» или это поэтическая метафора?

А.Г.: В словах «Родство по крови порождает кровь» иная суть. Речь о том, что на основе псевдогенетических, расистских теорий по крови разделяли людей на тех, кто должен жить, и тех, кто должен умереть. Кровь, конечно же, не имеет никакого отношения к национальной культуре; национальная культура – это язык, поэзия, литература, философия, живопись, музыка... Все то, что так или иначе связано с языком и выстраивается на его основе. Когда мне говорят, что первична кровь, я всегда вспоминаю строки из Библии: «В начале было Слово, и Слово было Бог». Я ни в коей мере, конечно, не думаю, что национальные культуры противостоят друг другу, это было бы смешно! И речь не идет о возможности автономно развивать культуру в узких рамках «национального».

И.Ю.: *У вас есть еще одно стихотворение на эту тему – «Воробей». Расскажите, пожалуйста, как оно родилось.*

А.Г.: Я написал об этом в книге воспоминаний «Атланты держат небо». Меня, подышающего от дистрофии, в апреле сорок второго года с другими детьми вывезли из Ленинграда через Ладожское озеро. И потом дальше с матерью в эвакуацию, в Омск. Полгода болел, слава богу, меня вытащили. Жили мы там на улице Войсковой, 42. И когда я в первый раз вышел во двор, мальчишки тут же обозвали меня жиденком. И популярно рассказали, что это значит... Я помню свой ужас, отчаяние, ощущение позора! Я прибежал домой и попросил объяснить, в чем дело. До сих пор помню растерянные, испуганные лица моих родителей, которые не смогли мне ничего объяснить. И вот, вспомнив это, я написал стихотворение «Воробей».

И.Ю.: Меня особенно тронули последние строки: *«Только он мне единственный дорог, / Представитель пернатых жидов, / Что, чирикаая, пляшет «семь сорок» / На асфальте чужих городов»*.

А.Г.: А вы знаете, что значит «семь сорок»? В России так называют фрейлехс – национальный еврейский танец, я не знаю, почему.

И.Ю.: У меня возник образ тоненького, бесстрашного и гордого мальчика...

А.Г.: И беззащитного.

И.Ю.: Это стихотворение – бунт против «приписанной этничности»? Бунт представителя культурного или конфессионального меньшинства, которое многие века подвергалось гонениям?

А.Г.: Если хотите, да. Меня часто били во дворе, потому что я не умел драться. Позже, когда попал в экспедицию на Крайний Север, я стал занимать первые места по стрельбе из боевого оружия... Антисемитизм – детский, школьный в первую очередь, все закладывалось там и тогда. Ведь в пятьдесят третьем году «дело врачей» получило «народную поддержку», надо сказать. Помню, я шел по каналу Круштейна, навстречу шел пьяный... До сих пор помню эту жуткую рожу, в ушанке такой набекрень, с белыми глазами. Цепко вглядываясь в лица встречающих, бубнил: «Жидаы, проклятые жидаы. Всех будем морить, как крыс, всех!» По его небритому подбородку стекала пена. Антисемитская государственная пропаганда старалась сделать из меня человека второго сорта. Мне внушали мысль, что я хуже моих русских товарищей по классу. У замечательного поэта-фронтовика Бориса Слуцкого, который был моим учителем в поэзии, есть такое стихотворение:

*Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.
Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.
Я все это слышал с детства,
И скоро совсем постарею,*

*А вот никуда не деться,
От крика: «Евреи, евреи!»
Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Эту особую расу.
Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нежливо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»*

Понимаете, и я это ощущал на себе. Я попал на Крайний Север после Института геологии и Арктики. Шестнадцать лет в экспедициях, в тяжелых районах – Игарка, Таймыр, позднее Кольский полуостров, Магадан. Я ощущал, что я должен выжить из себя все это, прежде всего трусость. Я совершал идиотские поступки. Например, прыгал с порога на реке Северной пьяным на пари, дразнил разъяренного ревнивого мужа, который выпустил в меня пять пуль из нагана с десяти шагов, но не попал: был пьян. Чего только я не вытворял, чтобы убедить всех окружающих, что я не хуже их. Их-то я убедил, а себя нет.

И.Ю.: Я думаю, что это не трусость, а испытание себя.

А.Г.: Неоднократно во время своих экспедиций

Страх я испытывал, ибо коварен мафирут.

Тем, кто твердит, что нигде ничего не боится,

Не доверяю, поскольку, наверное, врут...

Когда я впервые влез в подводный аппарат, задраили люк, и он пошел на глубину (тогда еще на небольшую глубину – 400–500 метров, я погружался потом на 4,5 километра), и что-то затрещало, темнота в иллюминаторе... Вот тогда я подумал: «Господи, ну эти-то двое – это их специальность, а я-то, дурак, чего сюда полез? Чего мне в жизни не хватало?» И уже когда я погружал

других людей, спрашивал: «Ну как?» Мне отвечали: «Ты понимаешь, когда я попал...» Я говорил: «Молодец, я тоже».

И.Ю.: В одном из интервью вы рассказывали о том, как вам пришлось выстрелить в пьяных уголовников, потребовавших отдать им на утеху девушку (лаборантку), которая работала в вашей партии возле Игарки. Что это было: страх или, наоборот, бесстрашие?

А.Г.: Да, я стрелял. Это было не бесстрашие, а отчаяние. У меня не было выхода. Я не мог ничего сделать, я вынужден был стрелять в главаря, чтобы их остановить. И, слава богу, никого не убил. А я был уверен, что убил. Ему пулей оцарапало лысину, сбilo шапку, я прямо в лоб ему метил. Стреляю я хорошо, но у меня руки тряслись от страха. Слава Богу, я не стал убийцей. Вы читали стихи об этом? У меня ведь вся жизнь в стихах.

*Клены горбятся понуро,
Ветки бьются о стекло.
Что минуло, то минуло,
Устаканилось, прошло.
Я на север нелюдимый
Улетал, куда мог,
Над дрейфующей льдиной
Зябкий теплил огонек.
Страх, под пьяным стоя дулом,
Не выказывал врагу,
Стал от тяжестей сутулым,
Спал на шкурах и снегу.
Кисти красные рябины,
Спирта синего напалм,
Я палил из карабина,
Слава Богу, не попал.
Я на рею, горд безмерно,
В качку лез, полунагой,
В припортовую таверну
Дверь распахивал ногой,*

*В океанские глубины
Погружался и всплывал,
А тогда из карабина,
Слава Богу, не попал.
Я искал лихие рифмы
И любил неверных жен,
Я коралловые рифы
Расковыривал ножом.
Звезд подводные рубины
Добывая, вспоминал,
Что, паля из карабина,
Слава Богу, не попал.
Облаков седая грива,
И осеннее пальто.
Я судьбе своей счастливой
Благодарен не за то,
Что подруг ласкал любимых,
Что не слишком век мой мал:
Что, паля из карабина,
Слава Богу, не попал.*

И.Ю.: Иосиф Бродский чурался имперского: «...Если выпало в Империи родиться, / Лучшие жить в глухой провинции у моря». А вы?

А.Г.: У меня есть стихотворение «Ода Империи», посвященное моему другу Алику Мирзаяну.

*Под крылом у империи ищут спасенья народы,
Опасаясь соседей своих постоянной угрозы.
Здесь татарин Державин читал Государыне оды
И писал Карамзин, зачиная российскую прозу.
Лишь в Великой империи место для малых народов,
Лишь в Великой стране открывается путь человеку.
Нам наглядный пример подает неслучайно природа,
Собирая притоки в одну полноводную реку.
На бескрайних полях от холодной Двины и до Дона
Может каждый дерзнувший талант проявить свой и норов.
Станет русским поэтом Жуковский, турчанкой рожденный,
Полководцем российским рожденный армянкой Суворов.
Мировая история будет вещать их устами,
На просторах имперских доступно им будет полмира, –
По отцу Нахимсон адмиралом Нахимовым станет,
Станет канцлером русским внук выкреста – бывший Шапиро.
За собою в полет их орел увлекает двуглавый,
К петербургским дворцам и полям, начиненным картечью,
А иначе вовек бы не знать им блистательной славы,
Прозябая уныло в аулах своих и местечках.
На просторах имперских любому отыщется место, –
Холмогорскому парню и гордому внуку Баграта,
И поэтому нету ей равных от Оста до веста,
И поэтому ей не страшны никакие утраты.
Здесь потомок арапа величием кесарю равен,
Здесь не спросит никто, чей ты сын и откуда ты родом,
И народ, погибавший в глуши азиатских окраин,
Лишь в Великой империи станет Великим народом.
И на митингах шумных, собрав малочисленный кворум,
Жить начавшие врозь, позабывшие славные даты,
Не спешите назад расползаться по брошенным норам,
Не ломайте свой дом, возведенный отцами когда-то.*

Есть еще и другое стихотворение – «Пасынки России», которое мне не разрешили в свое время печатать. Я его написал еще молодым. Оно заканчивается так:

*...Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян?
Кто вы, пасынки России,
Неродные имена,
Что и кровь свою, и силы
Отдавали ей сполна?
Тюрки, немцы или греки?
Из каких вы родом стран?
Имена теряют реки,
Образуя океан.*

Вот такая национальная идея меня устраивает! Понимаете? Империя – это общность культур. Интересно сравнить две империи. Испанскую империю, которая вырезала американских аборигенов, и Британскую, которая переросла в Британское содружество наций бескровным образом. Это содружество сохранялось и во время Первой мировой войны, и во время Второй мировой войны. Я бывал в Австралии, в Новой Зеландии, они и сейчас формально под эгидой британской королевы, что не умаляет их автономии. И даже Индия! А теперь посмотрите, что сделали испанцы. Они вырезали на захваченных землях миллионы инков, ацтеков, они оставили после себя выжженные поля. Значит, империя – это то, что объединяет.

Российская империя имела возможность объединять народы, потому что она принесла им много хорошего и прогрессивного. А то, что мы получили там сейчас, не дай бог никому! Общность культуры на базе объединяющей идеи при свободном развитии каждой национальной культуры – это, конечно, недостижимая мечта...

Это можно воплотить в жизнь на основе не мононациональной идеи, а на основе имперской идеи. Империя в отличие от монокультурного, одноязычного государства – это объединение культур. Возьмите Римскую империю, средневековую Священную Римскую империю, Британскую империю. Империи присущи другие законы. Любой национализм в империи ведет к ее распаду и, значит, является антигосударственным. У меня есть стихотворение «Россия для русских».

*Процесс невеселый начат, –
Дрожь, просвещенный мир!
Россия для русских, значит, Башкирия – для башкир.
Не будет теперь иначе.
Гори, мировой пожар!
Россия для русских, значит,
Татария – для татар.
Недолго нам ждать, недолго, –
Все способы хороши.
Отнимут обратно Волгу
Марийцы и чувашаи.
Опомнимся – будет поздно.
Полгода пройдет, а там –
Чеченцам обратно Грозный,
Якутию – якутам.
Долины, хребты, алмазы,
И золото, и руда.
Держава погибнет сразу,
Отныне и навсегда.
Забыв об имперской славе,
Лишившись морей, как встарь,
Московией будет править
Уездный московский царь.
Конец богатырской силе.
Не видно в ночи ни зги.
Так кто же друзья России,
И кто же ее враги?*

И.Ю.: У вас есть еще стихотворение «Император играет на скрипке»...

А.Г.: Да, меня интересуют личности и судьбы двух российских императоров: это Петр III, которого считали слабоумным (что совершенно не так!), и Павел I, которого тоже незаслуженно считали психопатом. Я недавно выступал в Петербурге в Павловской гимназии, где царит культ Павла I. Замечательная гимназия, директор – историк. Я был очень дружен с замечательным русским историком Натаном Яковлевичем Эйдельманом, у которого есть хорошая книга о Павле I. (Да и стихи о Петре III написаны, кстати сказать, под впечатлением от романа замечательного ленинградского писателя и поэта Виктора Сосноры.) Из этой книги я узнал, что Павел любил играть на скрипке... У меня возник образ худосочного немца, задуманного пьяным Алексеем Орловым и преданным его собственной женой. И вернувшегося в мир свирепым мужиком, донским казаком Емельяном Пугачевым. Такая вот поэтическая метаморфоза.

И.Ю.: Не знаю, насколько корректен тогда вопрос по поводу этого стихотворения.

А.Г.: Некорректных вопросов не бывает, есть некорректные ответы.

И.Ю.: В этой красивой исторической миниатюре есть такие строчки: «Император играет на скрипке, – / Государство уходит из рук...» Что, на ваш взгляд, предпочтительнее для России: сильное государство в ущерб демократии или демократия в ущерб государственности?

А.Г.: Сегодня самое сильное государство в мире – Соединенные Штаты Америки, это все признают. Демократическое государство. А все автократические государства рано или поздно распадались и обнаруживали собственную слабость. Поэтому я считаю, что демократию и сильное государство нельзя противоп-

ставлять друг другу. Надо сказать, что Древний Рим в период своего становления, когда там правил Сенат, был более устойчивым и крепким государством, чем во времена «расцвета», то есть начиная с правления Марка Аврелия и во времена правления прочих императоров.

И.Ю.: В начале нашего разговора на вопрос о том, как вы понимаете национальную идею России...

А.Г.: Я все-таки не очень понимаю, что это такое. Пусть мне кто-нибудь объяснит.

И.Ю.: Мережковский в свое время написал: «Наши современные славянофилы все ищут в темноте ощупью и никак не могут найти «национальное лицо» России: там, где должно быть лицо, черт знает что».

А.Г.: Правильно! Умнейший человек.

И.Ю.: Российская интеллигенция и поныне озабочена поиском национальной идеи. И сейчас многие пытаются так или иначе ее сформулировать.

А.Г.: Это российская интеллигенция озабочена поиском национальной идеи? Правильно я вас услышал?

И.Ю.: Да.

А.Г.: Я не думаю, что это так. Я думаю, что это российская администрация озабочена поиском национальной идеи. Такая идея нужна власти для идеологического обоснования умеренного, как они считают, национализма. Национализма, призванного удержать и сплотить Россию вокруг действующей администрации. А что касается русской интеллигенции, то в трудах таких философов, как Лосев, Бердяев и других, все сложнее, менее однозначно. Правильно?

И.Ю.: Да, согласна. Особенно, если вспомнить статьи русских философов и публицистов начала XX века (Бердяева, Булгакова, Гершензона, Изгоева, Струве и др.), опубликованных в «Вехах». Вы сказали, что нет никакой национальной идеи, что она не нужна...

А.Г.: Нет, она есть, как феномен. Но как писал, кажется, Франц Кафка, когда у государства достаточно хлеба, ему не нужен жесткий порядок. Мне секрет власти давно уже преподавал мой первый начальник – Борис Мариенгоф, брат знаменитого Анатолия Мариенгофа, учителя Есенина и создателя имажинизма. Он был геологом, и когда я был молодым специалистом, я попал к нему в партию. Борис Мариенгоф сказал как-то: «Саня, я сейчас тебе преподам секрет власти. Вот смотри, у меня 20 работяг и 20 пар сапог. Я не начальник, я завхоз. Я всем раздал сапоги, а они на меня плюют. А теперь представь себе другую ситуацию: 20 работяг и 15 пар сапог – здесь я уже начальник, потому что я могу кому-то дать сапоги, а кому-то нет. Вот то же самое – когда мало хлеба, должен быть жесткий порядок. И обязательно неравенство».

Национальная идея не должна включать в себя в открытом или закрытом виде, так сказать, постулаты о неравенстве, о превосходстве одной нации, как бы она ни была велика и культурна, над другой. Иначе эта национальная идея беременна фашизмом.

Кстати, я не согласен с тем, что не бывает преступных народов. Бывает, и еще как! Немцы это признали и покаялись. Я был 9 ноября в Гамбурге на годовщине «Хрустальной ночи», когда Гитлер в 1938 году начал уничтожать синагоги, убивать евреев. А сейчас немцы несут цветы, горят свечи перед дощечками с именами людей, депортированных в свое время. Это действительно покаяние, понимаете? Немцы смогли покаяться, поэтому это великая нация. Мы, Россия, покаялись когда-нибудь и в чем-нибудь? Например, в преступлениях сталинского режима? Хотя тирания была не меньше. Это очень сложный вопрос.

Если речь идет о национальной идее, то речь должна идти о литературе, философии, цивилизации. Вот

в чем должна состоять национальная идея. А вовсе не в том, чтобы отгородиться, так сказать, могучей китайской стеной от иных культур.

И.Ю.: Вот, кстати, у меня вопрос относительно вашего стихотворения «В Германию приехав из России»...

А.Г.: ...А откуда вы его знаете? Это ж новые стихи.

И.Ю.: Я купила вашу книгу.

А.Г.: Вы купили последнюю мою книгу, которой даже у меня нет, – «Осеннее равноденствие». Она только что вышла.

*В Германию приехав из России,
К душе своей с вопросами не лезь, –
За что нас так какает Бог всеильный,
Не дав нам жизни той же, что и здесь.
Зачем страдали мы и наши предки,
Которых добрым словом помяну,
Осилив целину и пятилетки
И выиграв Великую войну? /.../*

У меня в партии был рабочий, когда у нас начались демократические преобразования, он сказал: «Ничего не выйдет, жили хреново и не хрена привыкать». И я в этих стихах перефразировал его фразу. Это написано в 2016 году. А вот этот короткий стих – совсем новый, я его еще не читал:

*Об этом вспоминаю я не часто
Над зеленью некошеной травы.
Любовь к России и любовь к начальству –
Две вещи несовместные, увы.
Оно на ней висит постылой ношей,
С собой ее равняя вновь и вновь,
Но если ты в любви к нему клянешься,
Не лги, что это к Родине любовь...*

Вот так.

И.Ю.: Александр Моисеевич, как я понимаю, вы считаете, что сформулировать национальную идею и внедрить ее в умы

россиян «сверху» нереально. Но, возможно, национальная идея – это нечто, вызревающее «снизу»?

А.Г.: Это мне напоминает известную фразу из русской народной сказки: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Русские народные сказки – мудрейшая вещь! Должна быть корректно поставлена задача. А чтобы сформулировать ее, нужно знать граничные условия: от и до. Что мы имеем в виду, говоря о национальной идее? Любой термин нуждается в четкой формулировке, я бы сказал – почти математическом определении. Я много лет занимался изучением магнитного поля Земли, практически посвятил этому жизнь. Так вот, студенты часто спрашивают: «Профессор, а как устроено магнитное поле Земли?» Я отвечаю: «Не знаю». – «Как же вы не знаете, вы же профессор». – «А я потому и не знаю, что никто не знает! Все существующие определения некорректны».

Еще раз скажу: я не знаю, что такое национальная идея, пусть мне объяснят. Каждый народ так вот примитивно понимает национальную идею: «Мы – избранный народ». Как евреи считали (и совершенно напрасно): «Мы – избранные, а остальные с нами не сравнятся!» Такая некорректная постановка вопроса ведет к национализму, который может перерасти в нацизм. Вот что опасно, я думаю.

И.Ю.: Как писал Шопенгауэр: «Убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит».

А.Г.: Ну вот, вы же сами себе отвечаете. Или общеизвестное выражение: «патриотизм – последнее прибежище негодяя». Патриотизм – это любовь к Родине или ненависть к инородцам? У нас могут толковать и как ненависть к инородцам. Я недавно беседовал со школьниками – в последнее время в Питере меня часто пригла-

шают к старшеклассникам. Это была школа в рабочем районе, на Выборгской стороне. Полный зал, примерно 400 человек. Мы говорили о патриотизме. Есть разные определения патриотизма. Есть пушкинское: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Еще одно сформулировал Булат Окуджава, который рассказал мне такую грузинскую притчу. Пришли к сороке и спросили, что такое Родина. «Ну как же, – ответила сорока, – это родные леса, поля, горы». Пришли к волку и спросили у него, что такое Родина. «Не знаю, – сказал волк, – я об этом не думал». А потом люди взяли обоих, посадили в клетки и увезли далеко. И снова пришли к сороке и задали тот же вопрос. «Ну как же, – ответила сорока, – это родные леса, поля, горы». Пришли к волку, а волка уже нет – сдох от тоски. И ребята поняли сразу. Они молодые и любую фальшь ненавидят. И когда стоишь перед ними, словно на допросе, и тебе лампа светит в лицо, ты не имеешь права на фальшь.

Ноябрь 2016 года

Источник: «Дружба народов». 2017. № 12. С. 206–214.

Alexander Gorodnitsky,

geophysicist, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, poet, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, member of the Union of Writers of Russia, member of the International PEN Club (Moscow)

Irina Yun,

journalist (Moscow), irayun@mail.ru

Alexander Gorodnitsky: «Blood has nothing to do with national culture; national culture is language, poetry, literature, philosophy, painting, music»

We present an interview with Alexander M. Gorodnitsky (born in 1933, Leningrad), poet, bard, one of the founders of the genre of author's song in Russia, laureate of the State Literary Prize named after Bulat Okudzhava, geophysicist, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Chief Researcher at the Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences. The interview focuses on identity and national idea, the Russian language and anti-Semitism, expeditions and rescue from a besieged city, moral choice and imperialism, common cultures and poetry, history and memory, democracy and inequality, nationalism and Nazism.

Keywords: Alexander Gorodnitsky; national idea; identity; ethnicity; culture; memory.